

Семья Шэнь существовала уже несколько десятилетий — с тех самых времён, когда старик Шэнь начинал дело буквально с нуля.

До высшей аристократии столичного круга они не дотягивали, но всё же считались богатой и влиятельной семьёй и большую часть жизни держались с соответствующим достоинством.

Однако тот вечер вошёл в историю дома Шэнь как самый взрывной, самый нелепый, самый незабываемый и одновременно самый неприличный для пересказа.

Говорили, что в ту ночь вода во всех ваннных комнатах виллы шумела почти до рассвета.

А затем к дому приехала скорая.

Шэнь Хунъюань весь ужин орал, надеясь выпустить пар, но вместо облегчения докричался до скачка давления и в итоге оказался в больнице.

Говорили, даже когда его уже поддерживали под руки и вели к машине скорой помощи, он всё ещё кричал:

— Душ! Душ! Я хочу в душ!

На следующий день госпожа Шэнь собиралась встретиться с подругами и отправиться на косметические процедуры.

Но, услышав сирену скорой, она тоже вылетела из гостиной так, словно спасалась от чего-то страшного. Молнией проскочила мимо столовой и бросилась следом к машине, будто не могла вынести на вилле ни секунды дольше.

Сосед, случайно проходивший мимо, увидел эту сцену и решил, что глава семьи Шэнь страдает каким-то неизлечимым заболеванием.

Потом ещё долго восхищался тем, насколько крепка любовь супругов Шэнь: жена, мол, даже в такой момент ни на шаг не отходит от мужа.

На третьем этаже Шэнь Синжань всю ночь сидел, закрыв лицо руками, на грани нервного срыва.

Вчера он сидел слишком близко к Шэнь Синчжо.

Когда Лу Жань метнул пакет и тот лопнул, содержимое разлетелось повсюду.

В волосы.

На лицо.

На одежду...

Он уже пять раз принял душ, но всё равно ему казалось, что от тела доносится тот самый едва уловимый... запах.

А завтра днём у него ещё встреча с однокурсниками.

И придут туда почти исключительно дети богатых и влиятельных семей.

В таком виде...

Шэнь Синжань впервые в жизни совершенно забыв о собственном образе, отчаянно заорал, схватил халат и снова помчался в ванную.

В общем, ночь выдалась бессонной для всех.

Кроме Лу Жаня.

Он спал совершенно безмятежно.

Следующий день пришёлся на выходные.

Лу Жань проснулся только ближе к восьми.

Он вышел из спальни вместе с уже вымытым до приятного запаха Дахуаном, зевнул и направился к столовой.

Перед входом Дахуан вдруг остановился и тихо заскулил, словно всё ещё немного стеснялся вчерашнего происшествия.

— Идём, чего встал? — позвал Лу Жань.

Пёс посмотрел на совершенно беззаботного хозяина, пару секунд постоял с самым невинным видом и всё-таки пошёл следом.

На всей вилле стояла удивительная тишина.

На первом этаже работали несколько слуг, а сверху вообще не доносилось ни звука — будто там не осталось ни одного живого человека.

Вчерашний хаос в столовой уже полностью убрали.

По комнате невозможно было догадаться, что происходило здесь прошлым вечером.

Сам виновник случившегося тоже выглядел так, будто ничего не помнил. Как обычно, сел за стол.

Стол оказался пуст.

Лу Жань сразу нахмурился и повернулся к работникам кухни:

— А завтрак где?

После этого вопроса слуги на первом этаже странно замолчали на пару секунд.

Раньше Лу Жань был в доме Шэнь лишним человеком, которого не любил практически никто.

Его положение находилось ниже некуда. Позже его вообще заставили переселиться в складское помещение во дворе — жил он порой хуже прислуги.

Хозяева дома не проявляли к нему ни малейшего уважения, и слуги быстро переняли их отношение.

Прежде, услышав такой вопрос, большинство просто сделало бы вид, что ничего не слышит.

Но сегодня из кухни специально вышел один работник, подошёл к столу и очень уважительно, даже нарочито мягким голосом объяснил:

— Госпожа и господин всё ещё в больнице. Второй и третий молодые господа вышли, поэтому сегодня утром завтрак не готовили.

Чем дольше он говорил, тем тише становился голос — человек явно сам почувствовал, что в объяснении что-то не сходится.

И действительно.

Лу Жань поднял на него глаза и совершенно искренне спросил:

— А я не человек?

Слуга: «...»

— Прошу прощения, молодой господин Лу. Сейчас же приготовлю.

Он поспешно повернулся к кухне.

Он сделал пару шагов, снова остановился и с явным сомнением тихо уточнил:

— Вы имеете в виду... что хотите завтракать здесь?

И указал на столовую.

— А где ещё?

Лу Жань как раз насыпал корм Дахуану и озадаченно поднял голову.

После его ответа все слуги в комнате посмотрели на него с настоящим благоговением.

Вскоре завтрак принесли.

Лу Жань как ни в чём не бывало принялся есть.

Он прекрасно понимал, чему окружающие так удивляются.

Но сам действительно не видел проблемы.

Он изучал ветеринарную медицину и прекрасно знал: фекалии — это всего лишь остатки непереваренных белков и бактерии.

Столовую за ночь наверняка залили таким количеством дезинфицирующих средств, что с точки зрения гигиены здесь теперь было безопаснее операционной.

А психологически...

Лу Жань подрабатывал в зоомагазине.

Животные, которых оставляли на передержку, часто нервничали из-за незнакомого места или просто плохо были приучены к чистоте. После них помещения порой выглядели так, будто там прошёл ураган.

Убирать всё это приходилось Лу Жаню.

Да и вообще, он подбирал за Дахуаном с десяти лет.

В детском доме тайно держать собаку долго не получилось бы.

Очень скоро ребёнок, с которым Лу Жань не ладил, настучал воспитателям.

Тогда ради безопасности детей в приюте запрещали держать бродячих собак.

По должностным обязанностям воспитатель должен был прогнать Дахуана.

Но вмешался директор Лу.

В воспоминаниях Лу Жаня это был маленький пожилой мужчина, который почти всегда улыбался.

Когда Лу Жань вцепился в щенка и отказался его отдавать, директор подошёл и спросил, действительно ли он хочет оставить собаку и понимает ли, какую ответственность это означает.

Именно директор Лу впервые объяснил ему: домашнее животное дарит человеку тепло и компанию, но вместе с этим приходит и ответственность.

Если Лу Жань хочет оставить Дахуана, он обязан кормить его, убирать за ним, следить, чтобы собака никому не мешала и не создавала проблем.

Разумеется, жить в спальне приюта Дахуан всё равно не мог.

Директор поговорил с охраной, и в сторожке для пса устроили маленькое место. Ему сделали все необходимые прививки.

Каждый день Лу Жань приходил кормить Дахуана и убирать за ним.

Поскольку пушистых животных любили многие дети, позже приют даже выделил отдельный небольшой дворик, где держали кроликов, цыплят и других мелких животных.

Классы по очереди дежурили там и ухаживали за ними.

Когда Лу Жань ещё жил в приюте, он ежедневно представлял, насколько счастливой станет жизнь после встречи с родными.

Но теперь, вспоминая прошлую жизнь у Шэней, он вдруг понял: в детском доме ему, пожалуй, было лучше.

Детей там много, мелкие конфликты неизбежны. Воспитатели не всегда успевали за всеми следить и порой попросту выматывались.

Но в целом Лу Жань получал всё необходимое.

Даже дорогой электроникой ему доводилось пользоваться.

Директор Лу каждый день обходил все классы.

В детстве Лу Жань очень любил его.

Стоило директору войти, как Лу Жань сразу начинал волноваться и надеяться, что добрый взрослый остановится именно возле него и перекинется парой слов.

А если ещё и похвалит — вообще счастье.

Но директор был слишком занят, а детей в приюте слишком много.

Как игрушки в классе или общий планшет — всё принадлежало всем и никому отдельно.

Иногда Лу Жань тайком мечтал: вот бы директор Лу был его настоящим родственником.

Только его.

Не остальных детей.

Мечта не сбылась.

Зато директор позволил ему оставить Дахуана.

Вскоре Лу Жань доел.

По привычке убрал за собой посуду и только потом повёл Дахуана на работу.

У ворот он как раз столкнулся с возвращавшимися Шэнь Синжанем и Шэнь Синчжо.

Стоило Шэнь Синжаню увидеть Лу Жаня, как он моментально юркнул обратно в машину — словно мышь при виде кошки.

Он даже не завтракал.

Теперь одного взгляда на Лу Жаня и его пса хватало, чтобы ему начинало мерещиться, будто от тела снова чем-то пахнет...

Шэнь Синчжо остался снаружи, но тоже не посмотрел в сторону Лу Жаня.

Тот задержал на нём взгляд чуть дольше.

Раньше Шэни постоянно его игнорировали, и Лу Жань давно привык.

Но сейчас...

В этом игнорировании чувствовалась едва скрытая тревога.

Шэнь Синжань спрятался полностью.

Шэнь Синчжо не спрятался, однако по тому, как быстро потянулся к дверце машины, было ясно: тоже хотел, просто не успел.

Сегодня у него была новая причёска.

Точнее, почти никакой причёски.

Все слегка отросшие волосы он сбрил, оставив очень короткий ёжик.

Интересно, знал ли парикмахер, что пережили эти волосы прошлой ночью?

Лу Жань больше не задерживался.

Он спешил, поэтому просто прошёл мимо машины, ведя Дахуана на поводке.

Когда они оказались за спиной Шэнь Синчжо, этот обычно бесстрашный второй молодой господин, похоже, вспомнил вчерашние ощущения на своей спине и застыл, словно статуя.

А вот Дахуан неожиданно присел прямо возле его ног и радостно завилял маленьким хвостом.

Чёрные глазки-бусинки с ожиданием смотрели вверх.

Так Дахуан обычно показывал, что человек ему нравится и он хочет поиграть.

Лу Жань удивился.

Он слегка потянул поводок:

— Дахуан, идём. Глупый пёс, хоть бы сначала научился отличать хороших людей от плохих, а потом лез обниматься.

Дахуан неохотно поплёлся следом.

Только когда человек и собака окончательно скрылись из виду, Шэнь Синжань наконец выдохнул и выбрался из машины.

— Второй брат! Ну ты видел его?! — пожаловался он.

Ответа не последовало.

Шэнь Синжань поднял голову и увидел, что Шэнь Синчжо смотрит куда-то вдаль и тихо бормочет:

— ...Сам-то с ладонь, а имя «Дахуан»...

Шэнь Синжань не расслышал:

— Второй брат, ты что сказал?

Шэнь Синчжо только тогда пришёл в себя:

— А? Ничего.

Они вместе пошли к вилле.

Проходя мимо столовой, Шэнь Синчжо по привычке проявил заботу о младшем:

— Ты ещё не завтракал. Голодный?

Слова прозвучали — и оба одновременно замолчали.

Они повернули головы к месту вчерашнего «преступления».

А затем ускорили шаг и почти бегом поднялись наверх.

Через три дня Шэнь Хунъюань и госпожа Шэнь наконец вернулись из больницы.

Когда вышли из машины, оба заметно похудели.

За эти три дня они почти ничего не ели.

В ту ночь Лу Жань устроил свой «сюрприз» именно в тот момент, когда все были особенно голодны.

В результате у каждого голод прочно связался с тем самым тонким запахом и пережитым тогда ощущением.

Стоило проголодаться — начинало тошнить.

Только на третий день, когда терпеть стало совсем невозможно, они сумели немного поесть.

Но приходилось избегать тёмных полутвёрдых блюд и вообще любой еды, напоминавшей то, что стояло на столе в тот вечер.

Несколько дней почти полного голода избавили Шэнь Хунъюаня даже от появившегося с возрастом пивного живота.

Вернувшись на виллу, супруги молча и совершенно синхронно прошли мимо гостиной на первом этаже и сразу направились к лестнице.

На середине подъёма телефон Шэнь Хунъюаня зазвонил.

Он посмотрел на экран: важный клиент.

Сразу ответил.

Собеседник заговорил с искренним беспокойством:

— Президент Шэнь, слышал, вы пару дней назад попали в больницу. Как сейчас себя чувствуете?

— Президент Ли, спасибо за заботу. Ничего серьёзного. Старые проблемы, давление немного поднялось...

Вспомнив, отчего именно оно поднялось, Шэнь Хунъюань невольно замолчал.

Президент Ли всё так же дружелюбно продолжил:

— Да уж, возраст берёт своё. Нам теперь нужно следить за здоровьем, особенно за питанием. Нельзя же есть всё подряд!

Шэнь Хунъюань: «...»

#